Социально-экономические аспекты информационного общества

СОЦИАЛЬНОЕ РЕЙТИНГОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета Ю. Ю. Петруниным 26.11.2025.

Соколов Александр Владимирович

Доктор политических наук, доцент
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Факультет социально-политических наук
Кафедра социально-политических теорий
Заведующий кафедрой
Ярославль, Российская Федерация
alex8119@mail.ru

Фролов Александр Альбертович

Кандидат политических наук, доцент
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Факультет социально-политических наук
Кафедра социально-политических теорий
Доцент
Ярославль, Российская Федерация
a.a.froloff@gmail.com

Бабаджанян Папик Артурович

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Факультет социально-политических наук
Кафедра социально-политических теорий
Ассистент
Ярославль, Российская Федерация
babajanyanpapik@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования связана с противоречивым развитием систем социального рейтингования в условиях цифровой трансформации. Цель работы — анализ двойственной природы данных систем через их проникновение в различные общественные сферы. Методология включает системный анализ, сравнительный подход и изучение кейсов (китайская система социального кредита, рейтинги такси-сервисов, банковский скоринг), дополненные экспертными интервью (n=32) и фокус-группами. Результаты выявили противоречивые эффекты в трёх сферах: коммерческой, государственной и области кибербезопасности. Выводы подтверждают противоречие между логикой эффективности и правами человека, что требует создания системы сдержек и противовесов, включая прозрачность алгоритмов и защиту данных.

Ключевые слова

социальный рейтинг; цифровая трансформация; алгоритмическое управление; контроль; общественное восприятие; большие данные

© Соколов А. В., Фролов А. А., Бабаджанян П. А., 2026

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «С указанием авторства — С сохранением условий версии 4.0 Международная» (Creative Commons Attribution — ShareAlike 4.0 International; CC BY-SA 4.0). См. https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

https://doi.org/10.52605/16059921_2026_05_29

Введение

Глобальный процесс цифровой трансформации общества порождает принципиально новые механизмы социальной координации и контроля, среди которых системы социального рейтингования занимают одно из наиболее дискуссионных мест. Эти системы, представляющие собой сложные алгоритмические комплексы для оценки, классификации и ранжирования индивидов и их поведения, выходят далеко за рамки технического инструментария. Они становятся центром столкновения двух ключевых векторов развития современности: стремления эффективности в управлении социально-экономическими процессами, а также стремления учесть в процессе управления сочетание индивидуальных и коллективных предпочтений и особенностей.

Актуальность исследования обусловлена тем, что социальное рейтингование демонстрирует собой переход к новой форме социального порядка — «абстрактному, медиатизированному, основанному на данных» — который переустраивает саму суть общественных отношений [11]. Существующие научные дискуссии часто фрагментированы и фокусируются либо на экономических аспектах (кредитный скоринг), либо на политических (государственные системы надзора), и не предлагают целостного анализа. Данная статья призвана восполнить этот пробел, предложив системный анализ социального рейтингования как универсального социотехнического феномена. Двойственная природа социального рейтинга требует его рассмотрения в контексте более широких теоретических рамок, включающих теорию социальных систем, исследования власти в цифровую эпоху и этику искусственного интеллекта. С одной стороны, рейтинговые механизмы предлагают мощный инструмент для снижения транзакционных издержек, оптимизации распределения ресурсов и формирования доверия в анонимных социальных средах, таких как глобальные цифровые платформы. С другой стороны, они создают инфраструктуру для нового типа «мягкой» власти, действующей не через прямое принуждение, а через проектирование стимулов и архитектуру выбора. Эта власть является диффузной и децентрализованной, что затрудняет ее идентификацию и оспаривание, поскольку она воплощена в объективных, на первый взгляд, алгоритмических процедурах [2]. Индивид, стремясь максимизировать свой рейтинг, усваивает внешние нормативные требования и начинает самостоятельно корректировать свое поведение в соответствии с логикой системы, даже в отсутствие внешнего надзора. Этот феномен самодисциплинирования представляет собой одну из наиболее эффективных и одновременно тревожных форм социального контроля, возникающих в цифровую эпоху.

Исходя из всего вышесказанного цель работы — раскрыть сущностную двойственность систем социального рейтингования (угрозы и возможности) через призму их проникновения в различные общественные сферы и выявить системообразующие противоречия, определяющие их развитие.

1 Теоретическая рамка исследования

Теоретическое осмысление феномена социального рейтингования требует преодоления узких дисциплинарных границ и синтеза подходов из социологии, политической философии, политологии, технических наук. В основе предлагаемой теоретической рамки лежит тезис о том, что рейтингование представляет собой современную, технологически опосредованную форму осуществления нормативной власти, целью которой является производство социально желательных форм поведения через их постоянное измерение и ранжирование [4]. Генезис этого феномена заключается в более широком явлении — превращения разнообразных аспектов человеческой жизни в машиночитаемые данные [17]. Социальный рейтинг является ключевым элементом этого процесса, так как он не просто собирает данные, но и наделяет их нормативной силой, преобразуя качественные, многогранные характеристики человеческой жизни, такие как доверие, благонадежность и лояльность, в количественные, линейные метрики [7]. Этот перевод осуществляется через алгоритмические показатели, чья внутренняя логика, обусловленная коммерческой тайной или технической сложностью, часто остается непрозрачной и не поддается публичной верификации. Всё это порождает феномен «алгоритмической легитимности» [15], когда власть алгоритма принимается не в силу его подотчетности, а в силу его воспринимаемой объективности, нейтральности и технической эффективности, что маскирует заложенные в него ценностные постулаты.

С теоретико-философской точки зрения, рейтингование можно рассматривать как цифровое воплощение концепции «паноптизма» Мишеля Фуко [13] — архитектурной системы видимости,

где индивид, не зная, наблюдают ли за ним в данный конкретный момент, принимает за истину внешний надзор и начинает внутренне дисциплинировать собственное поведение в соответствии с предполагаемыми нормативами. Однако цифровой «паноптизм», реализуемый через рейтинговые системы, отличается своей, автоматизированностью и децентрализованностью. Наблюдателем становится не конкретный человек, а безличный и всепроникающий алгоритм, постоянно анализирующий цифровой след индивида, его транзакции, географическое перемещение, социальные связи и коммуникативные паттерны. Это приводит к возникновению того, что Ш. Зубофф обозначила термином «надзорный капитализм» — новой рыночной логики, при которой человеческий опыт беспрепятственно извлекается и модифицируется в поведенческие данные, которые затем используются для целей прогнозирования, модификации поведения и, в конечном счете, управления [6]. Она отмечает, что практики сбора данных создают асимметрию власти, угрожающую свободе личности [29]. Характеризуя данную ситуацию Т. Гинсбург, указывал, что она создаёт возможности их создателям преследовать собственные цели, которые могут отличаться от декларируемых в публичном пространстве [19].

Таким образом, социальный рейтинг функционирует как эффективный механизм «нормализации», что позволяет анализировать его в рамках концепции власти М. Фуко. Он устанавливает неявные, но общеобязательные социальные стандарты, определяя, что значит быть «хорошим заемщиком», «ответственным гражданином», «вежливым пассажиром» или «лояльным потребителем», и посредством системы позитивных и негативных санкций, автоматически применяемых, побуждает индивидов к конформизму и соответствию этим стандартам. Ключевым отличием от традиционных, дисциплинарных форм нормативной власти является его превентивный и прогностический характер [5]. Эти системы стремятся не только оценить и наказать прошлое поведение, но, что гораздо важнее, предсказать и превентивно скорректировать поведение в будущем, что стирает традиционную грань между совершенным проступком и потенциальным, статистически выведенным риском, нивелируя человеческую субъектность до набора предсказательных метрик.

Данная теоретическая рамка позволяет анализировать рейтинговые системы не как нейтральные технические инструменты оптимизации, а как воплощенные политические идеи, которые натурализуют определенные ценности, властные отношения и социальные иерархии, маскируя их под техническую необходимость, объективность данных и экономическую эффективность [1]. Рассмотрение рейтингования в качестве универсального социотехнического принципа, выходящего за рамки конкретных государственных систем, позволяет расширить исходную аналитическую рамку. Рейтингование в целом становится доминирующим механизмом упрощения сложности в современном обществе [3]. Оно предлагает быстро читаемые сигналы в перенасыщенном информационном поле, будь то кредитный скоринг, индекс цитирования ученого или отзывы о товаре. Этот процесс, однако, сопряжен с редукционизмом, когда несоизмеримые качества сводятся к единой числовой шкале, что приводит к сплющиванию социального мира, где многообразие человеческих практик и мотиваций подменяется бинарной логикой одобрения/неодобрения системой. Управление в контексте рейтинговых систем претерпевает радикальную трансформацию, эволюционируя от дисциплинарной модели, описанной у М. Фуко [16, с. 2288–289, к модели, которую можно охарактеризовать как «управление через данные». Власть в этой парадигме осуществляется не столько через прямые приказы и запреты, сколько через проектирование архитектур выбора, средовых ограничений и мотивационных структур, которые мягко, но неуклонно подталкивают индивидов к принятию «правильных» решений, в то время как «неправильные» решения делаются технически затруднительными или экономически невыгодными [14]. Данная форма управления апеллирует не к сознанию и морали индивида, но и к его поведенческим паттернам, стремясь модифицировать их на политическом, коммерческом и цифровом уровнях. Государства и корпорации, обладающие доступом к большим данным и вычислительным мощностям, становятся архитекторами социальной реальности, способными не просто реагировать на социальные процессы, но активно конструировать их, определяя саму основу социальных взаимодействий и жизненных траекторий.

Коммуникация в условиях доминирования рейтинговых систем также подвергается глубокой реконфигурации. Она все в большей степени становится «рейтингово-ориентированной» [18]. Индивиды и организации начинают выстраивать свою коммуникативную стратегию, ориентируясь не на содержание сообщения и его смысловую глубину, а на его потенциальное влияние на тот или иной рейтинг. Коммуникация превращается в перформанс, нацеленный на

генерацию позитивных данных и минимизацию данных негативных [12]. Это порождает самоцензуру, когда человек отказывается от определенных высказываний или действий не из-за страха прямого наказания, а из-за осознания их потенциально негативных последствий для его цифрового досье. Социальное взаимодействие рискует быть сведенным к стратегической игре по управлению впечатлением для алгоритмического зрителя, что подрывает аутентичность и спонтанность человеческого общения [8]. Более того, рейтинговые системы активно трансформируют природу социальной солидарности и доверия. Межличностное доверие, основанное на личном опыте, моральных качествах и эмоциональных связях, замещается институциональным, делегированным доверием к алгоритмической оценке. Люди доверяют не потому, что знают человека, а потому, что система присвоила ему высокий рейтинг надежности. Это ведет к атомизации общества, где индивиды связаны не горизонтальными узами взаимности, а вертикальными отношениями с централизованными платформами, осуществляющими верификацию и ранжирование [9]. В политической сфере это создает риск формирования нового типа цифрового патернализма, где публичная дискуссия и правовая состязательность подменяются технократическим администрированием, основанным на данных, а гражданин редуцируется до объекта управления, чье поведение подлежит тонкой настройке [10].

Социальное рейтингование зачастую рассматривается через анализ социальных и экономических эффектов различных систем скоринга, в первую очередь кредитного. Указывается, что они являются ключевым фактором принятия решений. При этом отмечается, что подобные системы могут функционировать с искажением принципа равенства граждан за счет особого знания косвенных и дискриминирующих показателей (таких, как цвет кожи и раса) [21]. Особое внимание уделяется анализу регулирования поведения граждан в условиях платформенного капитализма. Указывается, что глобальные цифровые корпорации на основе собираемых данных формируют новые форматы социального регулирования [27].

Глобальное использование системы социального рейтингования граждан наиболее часто рассматривается на примере китайской системы социального. Указывается, что она создавалась с целью укрепления взаимного доверия в обществе кредита [25].

При этом важно отметить, что данная система не была внедрена на национальном уровне, как всеобъемлющая и пока функционирует как разрозненная совокупность локальных и корпоративных рейтингов. При этом исследователи отмечают, что сама система социального кредита воспринимается не однозначно — с одной стороны трактуется как инструмент тоталитарного контроля, а с другой — пользуется доверием со сторон жителей как ответ на запрос на порядок и безопасность [20].

Стремительная цифровизация создала дополнительные условия для распространения практики социального рейтингования [23]. Формируемый в цифровой среде рейтинг снижает асимметрию между взаимодействующими сторонами, демонстрируя степень надежности каждого из них. Более того, массивы данных и цифровизация могут использоваться одновременно и как механизм проявления заботы, и как механизм контроля [28].

Таким образом, можно говорить о том, что системы социального рейтингования во всем их многообразии, изначально создаваемые как новый институт формирования доверия между взаимодействующими сторонами, зависят от закладываемых их создателями принципов и не являются ценностно нейтральными. Тем самым они могут усиливать существующие неравенства и создавать новые, вмешиваясь в его личную жизнь [26]. В результате создаются асимметрические отношения, где система функционирует в формате «черного ящика», влияя на положение индивида [22].

Исходя из всего вышесказанного, можно констатировать, что теоретическое осмысление социального рейтингования раскрывает его как комплексный феномен власти, в котором технологии, управление и коммуникация объединяются в единый механизм производства социального порядка, ставящий под вопрос фундаментальные категории автономии, справедливости и человеческого достоинства в цифровую эпоху [19]. Этот механизм, легитимируемый дискурсом технического прогресса и эффективности, представляет собой одну из самых значительных трансформаций в организации социальной жизни, требующую постоянного критического переосмысления и поиска форм сопротивления этой новой, цифровой форме нормативной власти. Для формирования целостного понимания и адекватного политического ответа на вызовы рейтинговых систем, критически важным является их дифференцированное

изучение через коммерческую, государственную и цифровую плоскости, каждая из которых порождает уникальный комплекс возможностей и угроз

2 Методология и методы исследования

Для решения поставленной цели исследования применяется комплексная методология, сочетающая несколько взаимодополняющих подходов. Ведущим является системный подход, который позволяет рассмотреть социальное рейтингование как целостный социотехнический комплекс, элементы которого (технологические платформы, алгоритмы, нормативные акты, социальные практики) находятся в динамическом взаимодействии. Этот подход дает возможность выявить не только явные функции систем (оптимизация, контроль), но и их латентные последствия для социальной структуры, такие как воспроизводство неравенства и трансформация публичной сферы.

Сравнительный подход служит основой для эмпирического анализа разнородных кейсов. Он применяется для выявления общих тенденций и специфических особенностей рейтингования в различных институциональных контекстах: от алгоритмов кредитного скоринга в банковском секторе до программ лояльности на цифровых платформах и государственных инициатив, по оценке граждан. Такой кросс-секторальный анализ позволяет абстрагироваться от частных деталей и сформулировать универсальные закономерности развития данного феномена.

Наконец, структурно-функциональный подход используется для интерпретации социальных последствий рейтингования. Он помогает понять, как новые алгоритмические практики встраиваются в существующие социальные институты (право, экономика, политика), какие функции они начинают выполнять и как это переустраивает традиционные институциональные связи. Вся методологическая база направлена на обеспечение глубины и достоверности анализа, позволяя двигаться от описания конкретных технологий к пониманию их фундаментальной роли в трансформации современного общества.

Для достижения цели исследования был использован метод глубинного интервью экспертов по полуформализованной анкете. Исследование проводилось в апреле-июне 2024 года. Респондентами выступили 32 специалиста (государственные служащие, депутаты, специалисты в сфере цифровых технологий, сотрудники администрации вузов и преподаватели). География экспертов представлена следующим образом: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Костромская область, Волгоградская область, Алтайский край, Краснодарский край, Ярославская область. Интервью проводились по единому инструментарию в смешанном формате: часть взять очным интервьюированием, часть посредством дистанционных технологий связи. Отдельно стоит отметить интервьюирование профильных юридических специалистов (n=7), которое было направлено на углубленный анализ правовых аспектов социального рейтингования, включая соответствие действующему законодательству, оценку рисков для прав человека и выявление правовых пробелов в регулировании цифровых систем контроля.

Ключевые вопросы, которые стали предметом анализа в данной статье, включают:

1. Определение социального рейтинга — что такое социальный рейтинг и как он определяется?
2. Цели создания социальных рейтингов — какие цели преследуют организации при внедрении таких систем?
3. Регулирование социальных рейтингов — каким образом регулируется использование данных систем и насколько это эффективно?
4. Риски социальных рейтингов — какие риски связаны с введением подобных систем для общества и отдельных его членов?
5. Примеры использования социальных рейтингов — где уже применяются системы социального рейтингования и каковы результаты этих практик?
6. Перспективы введения социального рейтингования — каковы перспективы дальнейшего распространения данного инструмента в различных секторах экономики и социальной жизни?
7. Последствия внедрения социальных рейтингов — какими могут быть последствия широкого внедрения таких систем для социальной структуры общества?

Для более глубокого понимания практического применения социального рейтингования использовался метод кейс-стади. Данный подход позволяет рассматривать конкретные примеры в

их комплексности и целостности, выявляя ключевые особенности каждой ситуации. В ходе исследования были проанализированы следующие практики использования социального рейтингования:

- система социального кредита в Китае;
- рейтинг пассажиров в такси сервисах Uber и Яндекс Go;
- система банковской кредитной истории.

Анализ вышеуказанных примеров осуществлялся как посредством сбора данных из общедоступных источников, так и анализа лицензионных (правовых) соглашений и регламентов такси сервисов, бюро кредитных историй. Это позволило выявить общие тенденции и специфические особенности использования социального рейтингования в различных контекстах. Были сформулированы следующие критерии анализа систем рейтингования:

- технологии, используемые для внедрения системы;
- цель создания и внедрения системы социального рейтинга;
- доступность и публичность социального рейтинга;
- сфера применения социального рейтинга.

Также были проведены 2 фокус группы среди представителей молодежи (от 18 до 35 лет) и старшего поколения (более 36 лет), по полуформализованному гайду. Респондентам предлагалось познакомиться с тремя существующими системами рейтингования в обезличенном формате: такси, кредитного рейтинга и системы социального кредита Китая. Указанные описания систем рейтингования были созданы организаторами исследования на основе данных организаций, осуществляющих рейтингования (Яндекс-такси и бюро кредитных историй), а также характеристики системы социального кредита Китая в открытых источниках. Выбор данных систем рейтингования был связан с тем, что они представляют собой системы с разной степенью интенсивности и значимости оценки гражданина и используемых форматов коммуникации, и взаимодействия с ним (от малой значимости для гражданина до максимальной значимости и влияния на его жизнь).

Гайд для фокус-групп включал две группы вопросов. Первый был посвящен оценке социального рейтингования в целом. Вторая — предполагала оценку конкретных примеров рейтингования: после ознакомления с их общей характеристикой респондентам предлагалось высказать свои мнения и опасения относительно них.

3 Результаты и обсуждение исследования

3.1 Коммерческое рейтингование: экономическая рационализация и дисциплина рынка

В коммерческой сфере внедрение систем социального рейтингования представляет собой мощный инструмент оптимизации бизнес-процессов и минимизации финансовых рисков, однако оно же порождает комплекс серьезных угроз, связанных с формированием непрозрачных механизмов управления обществом и усилением социального неравенства. Ключевой возможностью, которую эксплуатируют корпорации, является способность алгоритмов на основе анализа больших данных и цифрового следа клиентов создавать высокоточные прогнозные модели поведения. Банковские институты, используя сложные системы кредитного скоринга, могут оценивать платежеспособность заемщиков с недостижимой ранее точностью, что позволяет не только снижать риски невозвратов, но и предлагать более гибкие и персонализированные финансовые продукты. Как отметил один из экспертов: «Современные алгоритмы учитывают гораздо больше данных, чем раньше. Это помогает точнее оценивать риски и работать с клиентами, которые раньше не попадали в стандартные критерии». Страховые компании, разрабатывая собственные алгоритмы оценки, учитывающие состояние здоровья, медицинскую историю и даже поведенческие паттерны страхователей, получают возможность дифференцировать тарифы, тем самым стимулируя ведение более здорового образа жизни среди своих клиентов. В сегменте цифровых платформ, таких как маркетплейсы, сервисы такси и каршеринга, рейтинговые системы, основанные на взаимной оценке пользователей и поставщиков услуг, формируют новые модели цифрового взаимодействия, основанные на доверии и подотчетности. Эти системы, как в случае с рейтингами водителей и пассажиров в Яндекс.Go или Uber, не только дисциплинируют участников рынка, снижая количество конфликтов и случаев мошенничества, но и создают мощные позитивные стимулы в виде бонусов, скидок и привилегий за высокие оценки, интегрируя механизмы лояльности непосредственно в пользовательский опыт. Участник фокус-группы, поделился: «Я считаю, что

высокий рейтинг помогает в работе. Заказов становится больше, и пассажиры ведут себя спокойнее. Это влияет на отношение к тебе».

Однако параллельно с этими возможностями возникают фундаментальные угрозы, способные подорвать основы справедливого общества. Наиболее острой из них является риск социальной дискриминации и создания новой, цифровой формы сегрегации. Граждане с низкими рейтингами, будь то из-за прошлых финансовых трудностей, негативных отзывов на платформах или иных факторов, могут оказаться в своеобразной «цифровой изоляции», лишаясь доступа к базовым услугам, таким как кредитование, страхование, аренда жилья или мобильность. Это не только усугубляет существующее социальное неравенство, но и создает круг, когда низкий рейтинг, будучи трудно преодолимым барьером, блокирует возможности для ресоциализации и улучшения своего положения, формируя новые маргинальные группы («Люди с негативным цифровым следом, например, с прошлыми финансовыми проблемами, могут сталкиваться с трудностями при доступе к услугам, даже если их текущее положение улучшилось» — цит. участника фокус группы). Алгоритмы могут воспроизвести и усилить существующие в обществе предрассудки и неравенство. Всё это приводит к дискриминации по косвенным признакам, когда определенные социальные, экономические или этнодемографические группы систематически получают заниженные оценки, что ограничивает их доступ к критически важным ресурсам, таким как жилье, финансы и страхование.

Другой критической угрозой является формирование параллельных государству систем управления поведением, действующих в условиях правового вакуума. Коммерческие платформы, устанавливая собственные, часто непрозрачные и морально-нормативные критерии оценки (например, снижение рейтинга за недостаточную вежливость, громко хлопнутую дверь или иное поведение, не нарушающее закон, но осуждаемое алгоритмом), по сути, присваивают себе регуляторные функции, создавая альтернативные центры влияния (фактически самостоятельно наделяя себя соответствующими полномочиями и определяя ценностные и иные приоритеты в этой деятельности). Так, коммерческие платформы, применяя санкции в виде снижения рейтинга на основе непрозрачных алгоритмов, по сути, действуют как квазисудебные органы, не обеспечивая пользователям права на защиту, очную ставку и пересмотр решения независимым и беспристрастным судом. Стирается грань между правомерным и неправомерным поведением, поскольку наказание может следовать за действия, не запрещенные законом, но негативно оцененные алгоритмом. В условиях отсутствия системы реабилитации налагаемые платформами санкции могут существенно ограничивать права и свободы человека и гражданина. Кроме того, постоянное давление необходимости поддерживать высокий рейтинг, жизнь в условиях перманентной оценки каждым действием провоцирует психологическое выгорание, рост тревожности и ментальных расстройств, превращая социальное взаимодействие в инструментальную гонку за одобрением системы, что в итоге дегуманизирует общественные отношения.

3.2 Государственная и некоммерческая сфера: баланс между контролем и объективной оценкой

В некоммерческой и, в особенности, государственной сфере внедрение систем социального рейтингования преследует цели укрепления социальной дисциплины, оптимизации управления и стимулирования социально одобряемых моделей поведения, однако это сопряжено с рисками подавления инакомыслия, установления форм цифрового контроля и глубокой деформации общественных отношений. Потенциальные возможности таких систем заключаются в их способности более эффективно и адресно распределять ограниченные государственные ресурсы, такие как социальные выплаты, субсидии или доступ к льготным программам. Алгоритмы, анализирующие комплекс данных о гражданине — от участия в выборах и волонтерской деятельности до соблюдения законодательства и поведения в публичном пространстве — позволяют создавать гибкие модели поощрения, мотивируя к поведению, которое государство определяет, как желательное для общественного блага. Ярким примером реализации таких возможностей являются инициативы, подобные российской платформе «Добро.рф», где накопленные волонтерские часы и личный рейтинг пользователя становятся критериями для получения доступа к престижным мероприятиям или льготам, формируя, таким образом, новые модели гражданского участия и напрямую связывая социальную активность с получением определенных преимуществ. Участник фокус-группы, отметил: «Видишь свой прогресс в системе,

понимаешь, что активность может быть полезна для получения каких-то возможностей. Это дополнительная мотивация». Подобные системы, как платформа «Мы» РГСУ, теоретически способны укреплять социальное доверие, создавая прозрачную среду, где соблюдение норм и общественно полезная деятельность получают прямое и измеримое признание, а интеграция динамических рейтингов, обновляющихся в реальном времени, может повысить отзывчивость государственных служб и стимулировать непрерывное самосовершенствование граждан.

Тем не менее, угрозы, порождаемые государственным рейтингованием, носят системный характер и затрагивают сами основы демократического общества. Наиболее существенной из них, по мнению экспертов, является подавление инакомыслия и формирование конформистского, управляемого общества («…когда социальная активность напрямую влияет на доступ к ресурсам, это может влиять на свободу выбора людей, побуждая их действовать в рамках заданных стандартов» — цитата эксперта). В условиях, когда критические высказывания, участие в протестной активности или иные формы выражения гражданской позиции, не одобряемые властью, могут привести к понижению рейтинга и последующему ограничению в правах или доступе к услугам, граждане начинают избегать любых форм выражения несогласия, предпочитая пассивно подстраиваться под заданные стандарты и не участвовать в политической сфере. Эта тенденция особенно опасна, когда социальный рейтинг трансформируется в инструмент политического контроля, создавая среду цифрового контроля, в которой любое действие лишено спонтанности и творчества, а свобода воли заменяется предсказуемыми, одобренными системой паттернами поведения. Китайский эксперимент по созданию «системы социального кредита», несмотря на его фрагментарную реализацию, демонстрирует четкую тенденцию к объединению финансовых, социальных и политических параметров в рамках единого механизма контроля и манипуляции, где персональные оценки используются как механизм давления. Параллельно возникает угроза глубокой деформации общественных отношений, поскольку постоянный мониторинг и оценка со стороны государства превращают доверие и искреннее социальное взаимодействие в расчетливую стратегию по повышению рейтинга (участник фокус-группы, высказал следующее мнение: «…иногда возникает ощущение, что помощь или активность совершаются для галочки, чтобы это зачлось в системе, а не по личной инициативе»). Более того, эксперты отметили, что такие системы могут создать «почву для коррупционных схем, таких как подтасовка данных или торговля высокими оценками, что подрывает саму идею справедливости и равноправия перед законом». В долгосрочной перспективе это угрожает социальной стабильности, особенно если система допускает несправедливые, алгоритмически предвзятые решения, обжаловать которые граждане не имеют реальной возможности, что ведет к росту социальной напряженности и утрате легитимности власти. Исходя из всего вышесказанного рейтинговые системы, навязывающие унифицированные стандарты поведения, могут подавить культурное разнообразие и творческий потенциал, которые являются двигателями развития. Вместо того чтобы человек и социальные отношения занимали центральное место в процессе развития, он превращается в объект управления, чье поведение подлежит тонкой настройке и коррекции в интересах системы оценки, а не его собственного развития. Более того, как отмечалось ранее, создатели систем рейтингования закладывают в них определенные ценностные приоритеты, тем самым определяя вектор развития всей системы. Однако в условиях их не публичности, складывающихся на данный момент, формируются серьезные угрозы их адекватности ожиданиям пи потребностям граждан, общества и государства.

3.3 Сфера кибербезопасности, этики и общественного восприятия

В сфере кибербезопасности, этики и общественного восприятия масштабное внедрение социального рейтингования сталкивается с комплексом критических вызовов, от решения которых напрямую зависит, станут ли эти системы инструментом оптимизации общественной жизни или источником тотального контроля и социальной нестабильности. Ключевой возможностью, которую подчеркивают сторонники рейтинговых систем, является потенциал повышения объективности и снижения субъективности в принятии решений, будь то в области распределения ресурсов или оценки благонадежности. Алгоритмы, лишенные человеческих предрассудков и эмоций, теоретически могут обеспечить более справедливое и беспристрастное распределение благ, минимизировав коррупционную составляющую и кумовство. Один из экспертов отметил: «алгоритмы могут снизить влияние личных предубеждений при принятии решений. Однако важно, как именно настроены эти алгоритмы и на каких данных они работают». Кроме того, способность этих систем к интеграции и анализу огромных массивов данных из различных

источников позволяет эффективно бороться с мошенничеством, включая финансовые махинации и подделку документов, за счет перекрестной проверки информации и выявления аномалий в цифровом следе гражданина. Это особенно актуально для банковских систем и государственных реестров, где точная оценка рисков позволяет защитить как институты, так и добросовестных граждан от противоправных действий. Прозрачность, обеспечиваемая за счет независимого внешнего аудита алгоритмов и публикации отчетов о деятельности рейтинговых сервисов, рассматривается как механизм укрепления публичного доверия и подотчетности этих систем обществу.

Однако сопутствующие угрозы носят фундаментальный характер и требуют выработки жестких нормативных и технических стандартов. Наиболее очевидной является катастрофическая уязвимость таких систем к кибератакам. Взлом централизованных баз данных, содержащих исчерпывающую информацию о поведении, социальных связях и репутации миллионов граждан, может привести не только к массовым утечкам персональных данных, но и к прекращению функционирования критически важных сервисов, что спровоцирует общественный хаос и утрату доверия к цифровым институтам («Централизованные базы рейтингов привлекательны для злоумышленников. Их компрометация может привести к утечкам данных и манипуляциям» — цитата эксперта). Правовым последствием уязвимости таких систем является нарушение права на эффективное средство правовой защиты. В случае масштабной утечки данных или сбоя алгоритма, повлекшего негативные последствия для тысяч граждан, практически невозможно установить виновных и в полной мере возместить причиненный вред. Централизованные базы рейтингов становятся привлекательной целью для злоумышленников, а их компрометация может привести не только к утечкам, но и к манипуляциям на уровне всего общества.

Более того, сам по себе технический сбой в работе системы может быть не сразу обнаружен, и система сможем искажать оценки, а, следовательно, некорректно влиять на жизнь индивидов продолжительное время. К тому же, создаваемые системы оценивания являются на столько масштабными, что практически не позволяют сформировать адекватные механизмы их контроля и избегания неправомерных искажений в отношении конкретных индивидов (целенаправленно запрограммированных разработчиками либо внедренные в ходе не правомерных действий).

Другой угрозой является эрозия приватности и автономии личности. Эксперты отмечают, что сбор информации о поведении граждан способен создать риски нарушения приватности, превращая жизнь в прозрачный аквариум, где каждое действие отслеживается и оценивается. Это ведет к потере индивидуальности, стиранию культурного разнообразия, поскольку алгоритмы, ориентированные на усредненные нормы, будут маргинализировать любые отклонения и особенности индивидов. Общественное восприятие таких систем зачастую резко негативно, граждане видят в них в первую очередь инструмент слежки, а не помощи, что подтверждается на примере дискурса вокруг китайской системы, которая в массовом сознании прочно ассоциируется с тотальным контролем. Участники фокус-группы, выразили мнение, что социальный рейтинг будет давить на человека и приведет к стрессу и переживанию, из-за чего снизится продуктивность индивида («Постоянное ощущение, что твои действия оцениваются, может вызывать дискомфорт. Возникает чувство, что за тобой наблюдают» — цит. участника фокус-группы). Следовательно, ключевым вызовом становится поиск баланса между эффективностью, которую обеспечивает автоматизация, и защитой фундаментальных прав и свобод человека. Без строгого государственного регулирования, предусматривающего жесткие требования к кибербезопасности, прозрачности алгоритмов, защите персональных данных и установлению четких юридических границ применения рейтингов, их внедрение грозит перевесить потенциальные выгоды, сделав общество социально и политически нестабильным, а его членов — заложниками цифровой системы всеобщего учета и контроля.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что социальное рейтингование утвердилось в качестве комплексного социотехнического феномена, оказывающего трансформационное воздействие на ключевые институты современного общества. Его сущностная двойственность проявляется в фундаментальном противоречии между декларируемыми целями оптимизации и рационализации и последствиями, которые ведут к установлению новых, алгоритмических форм нормативной власти и социального контроля.

С одной стороны, системы рейтингования демонстрируют значительный потенциал в повышении эффективности бизнес-процессов, снижении финансовых рисков и создании основ для доверия в цифровой среде. Они позволяют осуществлять более адресное распределение ресурсов как в коммерческой, так и в государственной сфере, формируя стимулы для социально одобряемого поведения. С другой стороны, их внедрение порождает системные угрозы, ведущие к цифровой сегрегации, усилению социального неравенства, подавлению инакомыслия и эрозии автономии личности. Алгоритмические системы, претендующие на объективность, на деле закрепляют существующие предрассудки и создают непрозрачные механизмы управления, действующие в условиях правового вакуума.

В результате, можно говорить о формировании системообразующих противоречий, между утилитарной логикой эффективности, лежащей в основе рейтинговых систем, и фундаментальными правами, и свободами человека. Это противоречие проявляется на трех основных уровнях: в коммерческой сфере — как конфликт между экономической выгодой и риском дискриминации; в государственной — как конфликт между целями управления и угрозой полного цифрового контроля; в этико-правовой плоскости — как конфликт между технической эффективностью и ценностями приватности и человеческого достоинства.

Эмпирические данные исследования демонстрируют, что данный конфликт имеет конкретные проявления в различных секторах. В коммерческой сфере алгоритмическая эффективность ведет к созданию «цифровых каст», когда доступ к базовым финансовым и сервисным услугам определяется не текущими потребностями или заслугами человека, а его прошлым цифровым следом. В государственном управлении стремление к прозрачности и управляемости может привести к вытеснению гражданской активности в область формально одобряемых практик, что может привести к неучастию граждан в политической жизни. При этом технологическая сложность систем создает иллюзию объективности, маскируя ценностные выборы и нормативные установки, заложенные в алгоритмы их разработчиками.

Особую тревогу вызывает наблюдаемый эффект самоцензуры, когда однажды присвоенный рейтинг приобретает характер привыкания и объективной реальности. Граждане с низкими показателями потенциально лишаются возможностей для преференций и бонусов, что ведет к консервации и воспроизводству неравенства. Тем самым инструмент, претендующий на оптимизацию социальных лифтов, фактически их блокирует для наиболее уязвимых категорий населения (либо единожды нарушившим правила). Более того, выявленная в ходе фокус-групп психологическая нагрузка от постоянного пребывания в состоянии оценивания ведет к распространению стратегию неучастия, когда индивиды добровольно ограничивают свою социальную активность из-за страха негативных последствий для рейтинга. Важным выводом исследования является констатация формирования нового типа цифровой субъективности. Индивид все чаще воспринимает себя через призму алгоритмических оценок, что ведет к глубокой трансформации идентичности и социальных отношений. Доверие, традиционно основанное на межличностных отношениях и моральных обязательствах, замещается делегированным доверием к алгоритмическим рейтингам. Это принципиально меняет природу социального капитала, превращая его в технически опосредованный и количественно измеримый ресурс.

Необходимым условием минимизации рисков является обеспечение максимальной прозрачности алгоритмов, защита персональных данных, создание возможностей для обжалования автоматизированных решений и ведение публичной дискуссии об этических границах применения этих технологий. Особое значение приобретает разработка механизмов «алгоритмической справедливости», включая регулярный аудит на предмет дискриминационных последствий и создание независимых надзорных органов. Крайне важным представляется сохранение в цифровую эпоху пространства для «алгоритмически нерелевантных» форм социальности — тех аспектов человеческого взаимодействия, которые не поддаются количественному измерению, но составляют основу культурного разнообразия и социальной динамики.

Исходя из всего вышесказанного социальное рейтингование, будучи неотъемлемым элементом цифровой трансформации, не является однозначным злом, но представляет собой сложный инструмент, чья социальная ценность напрямую зависит от качества его реализации. Чтобы его потенциал в сфере оптимизации услуг, укрепления доверия и стимулирования позитивных практик был реализован в полной мере, а риски минимизированы, целесообразно придерживаться следующих принципов.

Во-первых, ключевым принципом должна стать прозрачность и открытый диалог. Разработчикам и регуляторам необходимо обеспечить понятность и предсказуемость систем для пользователей. Это подразумевает создание открытых реестров, где публикуются основные цели, используемые метрики и общие принципы работы алгоритмов, без раскрытия коммерческой тайны.

Во-вторых, система должна быть ориентирована на развитие и поддержку, а не на наказание. Рейтинги должны работать как инструмент положительной мотивации, предоставляя пользователям возможности для улучшения своего положения. Это включает в себя создание четких и доступных механизмов для исправления негативных оценок, апелляции ошибочных данных и прохождения «испытательного срока». Акцент следует делать на предоставлении дополнительных возможностей для обладателей высоких рейтингов, а не на жестких ограничениях для тех, у кого он низкий.

В-третьих, необходима надежная защита прав и данных гражданина. Любая система должна функционировать в строгих правовых рамках, гарантирующих защиту персональных данных, право на исправление неточностей и запрет на автоматическое принятие решающих судьбоносных решений исключительно на основе алгоритма. Внедрение «человека в цикле» для принятия наиболее чувствительных решений позволит сохранить гуманитарный контроль над технологией.

В-четвертых, важно обеспечить добровольность и плюрализм. Там, где это возможно, гражданам должен быть предоставлен выбор — участвовать в рейтинговых системах или использовать альтернативные, классические механизмы взаимодействия. Для этого следует поощрять существование различных, возможно, конкурирующих систем, чтобы избежать создания монопольной и безальтернативной оценки личности, и предоставить человеку возможность выбора.

В-пятых, необходим постоянный мониторинг и этическая экспертиза. Создание экспертных советов по этике искусственного интеллекта и алгоритмического управления при ключевых ведомствах и компаниях позволит проводить регулярный аудит систем на предмет непреднамеренных смещений и дискриминационных последствий. Технология должна адаптироваться на основе обратной связи, оставаясь инструментом служения обществу, а не его подавления.

Таким образом, развитие технологий социального рейтинга требует постоянного переосмысления баланса между эффективностью и свободой, безопасностью и достоинством, управляемостью и автономией. Только при условии разработки комплексной системы сдержек и противовесов, сочетающей правовое регулирование, технологические решения и этические стандарты, социальное рейтингование может быть интегрировано в общественную жизнь, не подрывая основ правового устройства и не заставляя граждан полностью зависеть от цифровой системы учета. Выработка этого баланса является не технической, а в первую очередь политической и мировоззренческой задачей, от решения которой зависит будущее конфигурации общественных отношений в цифровую эпоху.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», https://rscf.ru/project/24-28-00728.

Литература

1. Алиев З. Т. Политическое значение рейтингов // Власть. 2012. № 4. С. 107–110
2. Асмоловский М. Д., Колпакова Т. В. Система социального рейтинга как механизм социального управления в КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2020. № 23. С. 20–24.
3. Бочанов М. А. Перспективы применения системы социального рейтинга в современной российской политике // Власть. 2024. Т. 32, № 3. С. 91–93. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-91-93.
4. Брусов П. Н., Филатова Т. В., Орехова Н. П., Кулик В. Л. Совершенствование методологии рейтингования // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 3(771). С. 65652–678. DOI: 10.24891/fc.24.3.652.
5. Графов Д. Б. Повышение устойчивости политической системы КНР и система социального рейтинга // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 3(9). С. 235–248.

6. Зубофф Ш. Надзорный капитализм или демократия? /Пер. с англ. под науч. ред. А. А. Смирнова. М.: Издательство Института Гайдара, 2025.
7. Катрашова Ю. В., Митяшин Г. Ю., Плотников В. А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. 2021. № 2(146). С. 100–109. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-2-100-109.
8. Крылов В. С. Адаптивное поведение в информационной реальности // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. 2016. № 1(11). — С. 132–139.
9. Кузнецова С. А. Перспективы совершенствования системы социального обеспечения в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 6(137). С. 240–245. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10178.
10. Мухаметов Д. Р. Политические риски и барьеры цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 4. С. 58–64. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-58-64.
11. Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.12.36824
12. Руф Ю. Н., Каримова Д. В. Возможности внедрения системы социального рейтинга в России в условиях цифровизации // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 2. С. 881–890. DOI: 10.18334/vinec.10.2.100772.
13. Савенкова Е. В. Паноптизм как метафора власти: субъект наблюдающий // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2009. № 12. С. 67-72.
14. Тагаров Б. Ж., Салахи Д. Э. Возможности и угрозы, связанные с внедрением системы социального рейтинга в России // Экономика и предпринимательство. 2024. № 4(165). С. 171–173. DOI: 10.34925/EIP.2024.165.4.031.
15. Федорченко С. Н. Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитета // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 2. С. 3–18. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-3-18.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2000.
17. Шилина М. Г. Big data и цифровая датификация как техносоциальный феномен. К вопросу формирования научно-теоретической рамки исследования // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 60–65.
18. Clauberg R. Cyber-physical systems and artificial intelligence: chances and threats to modern economies // World Civilizations. 2020. № 5 (3-4). pp. 107–115.
19. Ginsburg T. Administrative law and the judicial control of agents in authoritarian regimes // Rule by Law: The Politics of Courts in Authoritarian Regimes / ed. by T. Ginsburg, T. Moustafa. New York: Cambridge University Press, 2008. pp. 58–72. DOI: 10.1017/CBO9780511814822.003.
20. Kostka G. China's Social Credit Systems and Public Opinion: Explaining High Levels of Approval // New Media & Society. 2019. Vol. 21(7). pp. 1565–1593.
21. Paixão, M. (2023). Credit Rationing and Race in Two Brazilian Cities // The Review of Black Political Economy. 2023. № 51(4). pp. 527–555. DOI: 10.1177/00346446231168808.
22. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. — Cambridge: Harvard University Press, 2015. 320 pp. ISBN 978–0674368279
23. Kaun A., Liminga, A. (2023). Welfare service centers: Maintenance, repair, and care at the analog interfaces of the digital welfare state // New Media & Society. Vol. 27(5). pp. 3039-3054. DOI: 10.1177/14614448231220362.
24. Rona-Tas A. The Off-Label Use of Consumer Credit Ratings // Historical Social Research. 2017. № 42(1). pp. 52–76. DOI: 10.12759/hsr.42.2017.1.52-76.
25. Szwajnoch, E. (2024). Regulatory capture of the Chinese social credit system: Bureaucratic self-interests in project implementation // China Information. 2024. № 38(3). pp. 309–330. DOI: 10.1177/0920203X241259431.
26. Suzuki T., Horita M. Consistent social ranking solutions // Social Choice and Welfare. 2024. № 62. pp. 549-569. DOI: 10.1007/s00355-023-01502-1.
27. Törnberg P. How platforms govern: Social regulation in digital capitalism // Big Data & Society. 2023. № 10(1). pp. 1–13. DOI: 10.1177/20539517231153808.
28. Zakharova I., Jarke J., Kaun, A. Tensions in digital welfare states: Three perspectives on care and control // Journal of Sociology. 2024. Vol. 60(3). pp. 540–559. DOI: 10.1177/14407833241238312
29. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. — New York: PublicAffairs, 2019. pp. 704. DOI: 10.1080/23753234.2022.2086891.

SOCIAL RATINGS IN THE DIGITAL AGE: OPPORTUNITIES AND THREATS TO SOCIETY

Sokolov, Alexander Vladimirovich

Doctor of Political Sciences, associate professor
P. G. Demidov Yaroslavl State University
Faculty of Social and Political Sciences
Department of Social and Political Theories
Head of the Department
Yaroslavl, Russian Federation
alex8119@mail.ru

Frolov, Alexander Albertovich

Candidate of Political Sciences, associate professor
P. G. Demidov Yaroslavl State University
Faculty of Social and Political Sciences
Department of Social and Political Theories
Associate Professor
Yaroslavl, Russian Federation
a.a.froloff@gmail.com

Babajanyan, Papik Arturovich

P. G. Demidov Yaroslavl State University
Faculty of Social and Political Sciences
Department of Social and Political Theories
Assistant
Yaroslavl, Russian Federation
babajanyanpapik@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study is related to the contradictory development of social rating systems in the context of digital transformation. The purpose of the work is to analyze the dual nature of these systems through their penetration into various public spheres. The methodology includes a systematic analysis, a comparative approach, and case studies (Chinese social credit system, taxi service ratings, bank scoring), supplemented by expert interviews (n=32) and focus groups. The results revealed conflicting effects in three areas: commercial, government, and cybersecurity. The findings confirm the contradiction between the logic of efficiency and human rights, which requires the creation of a system of checks and balances, including transparency of algorithms and data protection.

Keywords

social rating; digital transformation; algorithmic management; control; public perception; big data

References

30. Aliev Z. T. Politicheskoe znachenie reitingov // Vlast. 2012. № 4. S. 107–110
31. Asmolovskii M. D., Kolpakova T. V. Sistema sotsialnogo reitinga kak mekhanizm sotsialnogo upravleniya v KNR // Rossiya i Kitai: problemi strategicheskogo vzaimodeistviya: sbornik Vostochnogo tsentra. 2020. № 23. S. 20–24.
32. Bochanov M. A. Perspektivi primeneniya sistemi sotsialnogo reitinga v sovremennoi rossiiskoi politike // Vlast. 2024. T. 32, № 3. S. 91–93. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-91-93
33. Brusov P. N., Filatova T. V., Orekhova N. P., Kulik V. L. Sovershenstvovanie metodologii reitingovaniya // Finansi i kredit. 2018. T. 24, № 3(771). S. 65652–678. DOI: 10.24891/fc.24.3.652.
34. Grafov D. B. Povishenie ustoichivosti politicheskoi sistemi KNR i sistema sotsialnogo reitinga // Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2019. № 3(9). S. 235–248.
35. Zuboff Sh. Nadzornii kapitalizm ili demokratiya? /Per. s angl. pod nauch. red. A. A. Smirnova. M.: Izdatelstvo Instituta Gaidara, 2025.

36. Katrashova Yu. V., Mityashin G. Yu., Plotnikov V. A. Sistema sotsialnogo reitinga kak forma gosudarstvennogo kontrolya nad obshchestvom: perspektivi vnedreniya i razvitiya, ugrozi realizatsii // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2021. № 2(146). S. 100–109. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-2-100-109
37. Krilov V. S. Adaptivnoe povedenie v informatsionnoi realnosti // Informatsionno-kompyuternie tekhnologii v ekonomike, obrazovanii i sotsialnoi sfere. 2016. № 1(11). S. 132–139.
38. Kuznetsova S. A. Perspektivi sovershenstvovaniya sistemi sotsialnogo obespecheniya v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2020. № 6(137). S. 240–245. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10178
39. Mukhametov D. R. Politicheskie riski i bareri tsifrovizatsii // Gumanitarnie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2020. T. 10, № 4. S. 58–64. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-58-64
40. Ruvinskii R. Z., Ruvinskaya Ye. A., Komarova T. D. Obshchestvennoe vospriyatie praktik tsifrovogo profilirovaniya i sotsialnogo reitingovaniya: situatsiya v Rossii i Kitae // Sotsiodinamika. 2021. № 12. S. 56–76. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.12.36824
41. Ruf Yu. N., Karimova D. V. Vozmozhnosti vnedreniya sistemi sotsialnogo reitinga v Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii // Voprosi innovatsionnoi ekonomiki. 2020. T. 10, № 2. S. 881–890. DOI: 10.18334/vinec.10.2.100772
42. Savenkova Ye. V. Panoptizm kak metafora vlasti: subekt nablyudayushchii // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie. 2009. № 12. S. 67-72.
43. Tagarov B. Zh., Salakhi D. E. Vozmozhnosti i ugrozi, svyazannie s vnedreniem sistemi sotsialnogo reitinga v Rossii // Ekonomika i predprinimatelstvo. 2024. № 4(165). S. 171–173. DOI: 10.34925/EIP.2024.165.4.031
44. Fedorchenko S. N. Algoritmizatsiya vlasti: tsifrovie metamorfozi politicheskikh rezhimov i suvereniteta // Zhurnal politicheskikh issledovanii. 2021. T. 5, № 2. S. 3–18. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-3-18
45. Fuko M. Nadzirat i nakazivat: rozhdenie tyurmi. M., 2000.
46. Shilina M. G. Big data i tsifrovaya datifikatsiya kak tekhnosotsialnii fenomen. K voprosu formirovaniya nauchno-teoreticheskoi ramki issledovaniya // Sotsialno-politicheskie nauki. 2018. № 4. S. 60–65.
47. Clauberg R. Cyber-physical systems and artificial intelligence: chances and threats to modern economies // World Civilizations. 2020. № 5 (3-4). pp. 107–115.
48. Ginsburg T. Administrative law and the judicial control of agents in authoritarian regimes // Rule by Law: The Politics of Courts in Authoritarian Regimes / ed. by T. Ginsburg, T. Moustafa. New York: Cambridge University Press, 2008. pp. 58–72. DOI: 10.1017/CBO9780511814822.003
49. Kostka G. China's Social Credit Systems and Public Opinion: Explaining High Levels of Approval // New Media & Society. 2019. Vol. 21(7). pp. 1565–1593.
50. Paixão, M. (2023). Credit Rationing and Race in Two Brazilian Cities // The Review of Black Political Economy. 2023. № 51(4). pp. 527–555. DOI: 10.1177/00346446231168808
51. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. — Cambridge: Harvard University Press, 2015. 320 pp. ISBN 978–0674368279
52. Kaun A., Liminga, A. (2023). Welfare service centers: Maintenance, repair, and care at the analog interfaces of the digital welfare state // New Media & Society. Vol. 27(5). pp. 3039-3054. DOI: 10.1177/14614448231220362
53. Rona-Tas A. The Off-Label Use of Consumer Credit Ratings // Historical Social Research. 2017. № 42(1). pp. 52–76. DOI: 10.12759/hsr.42.2017.1.52-76
54. Szwajnoch, E. (2024). Regulatory capture of the Chinese social credit system: Bureaucratic self-interests in project implementation // China Information. 2024. № 38(3). pp. 309–330. DOI: 10.1177/0920203X241259431
55. Suzuki T., Horita M. Consistent social ranking solutions // Social Choice and Welfare. 2024. № 62. pp. 549-569. DOI: 10.1007/s00355-023-01502-1
56. Törnberg P. How platforms govern: Social regulation in digital capitalism // Big Data & Society. 2023. № 10(1). pp. 1–13. DOI: 10.1177/20539517231153808
57. Zakharova I., Jarke J., Kaun, A. Tensions in digital welfare states: Three perspectives on care and control // Journal of Sociology. 2024. Vol. 60(3). pp. 540–559. DOI: 10.1177/14407833241238312
58. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. — New York: PublicAffairs, 2019. pp. 704. DOI: 10.1080/23753234.2022.2086891